

Владимир Бабушкин

Мелания и Люцифер

18+

Владимир Бабушкин
Мелания и Люцифер

«Автор»

2026

Бабушкин В.

Мелания и Люцифер / В. Бабушкин — «Автор», 2026

В мире, где желание ведет к гибели, а отчаяние становится порталом в иные реальности, юная Мелания делает отчаянный выбор: заключить сделку с самой Тьмой. Петербург становится картой внутреннего странствия героини. Ее поиски — это не путь к власти или мести, а к прощению и любви, несмотря на предательство, утраты и внешнее равнодушие мира. Люцифер, воплощение соблазна и утопии для страдающих, преподносит Мелании компромисс: за исполненные мечты — забрать последнюю крупицу надежды. Только на самом дне можно осознать цену чудес. Мелания проходит сквозь преддверия ада — не ради власти, а чтобы взглянуть в глаза той, что стала причиной ее одиночества и боли. Способна ли любовь исцелить то, чему нет оправдания? Через магию и тьму автор бесстрашно ведет читателя к искреннему катарсису. Эта книга — вдохновляющий гимн тем, кто потерял себя, но отважился простить мир ради обретения себя настоящего.

© Бабушкин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ПОДКИДЫШ	6
ГЛАВА 2. ФЕИ И РОЗГИ	9
ГЛАВА 3. НЕПОТРЕБНАЯ ДЕВКА	15
ГЛАВА 4. ГРИГОРИЙ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Бабушкин

Мелания и Люцифер

ПРОЛОГ

И лишь любви под силу тьму остановить...

Босыми ногами, влажными от изнуряющей жары, Мелания ступала на раскаленные угли, выстилавшие узкую дорожку к цели ее назначения. Обнаженного тела девушки касались языки пламени, напоминающие то райские лиловые цветы, то пасти кровожадных драконов. Впереди был смог, где-то вдали кричали грешники, терзаемые стражами ада. Воздух был пронизан странным запахом. Пахло толи тлеющими дровами, толи сгоревшей плотью. С каждым шагом Мелания все острее ощущала, как жар проникает в ее тело, но внутри горел огонь, сильнее любого пекла. Люцифер рассказывал ей о том, что тот, кто осмеливается пройти этот путь, обретает свободу и искупление.

Сквозь завесу смога удалось разглядеть темные силуэты, скрестившиеся на краю обжигающей дорожки. Черные фигуры двигались с быстротой хищников, в их глазах не было жалости — только пылающее довольство. Мелания знала, что ее цель не в том, чтобы обойти их, а в том, чтобы противостоять. Каждый уголек под ее ногами напоминал о непростой борьбе, которая еще ждала впереди.

Мелания сделала глубокий вдох, позволяя обжигающему воздуху заполнить легкие. Страх — это яд, и его нельзя пустить в сердце. Только ясность ума и твердость духа помогут ей в предстоящем сражении. Фигуры приближались, и теперь Мелания могла различить их очертания: костлявые, с искаженными гримасами на лицах, они напоминали жуткие пародии на людей.

Она вспомнила последний взгляд своего возлюбленного, когда они расставались, его слова. Тот говорил сквозь слезы, чтобы она не боялась, ведь страдания — это лишь временный этап.

«Даже в аду можно найти свет», — шептал тогда он, и эти слова, как прохладные капли росы, освежали Меланию сейчас и вели сквозь невыносимую жару.

Собрав всю решимость, она сделала еще один шаг, и вдруг почувствовала, как жар стал ослабевать, будто сами угли начали остывать перед ее волей. Силуэты адских хищников растаяли в воздухе. Ощущение было таким, словно она прошла сквозь невидимую завесу, отделяющую кошмар от реальности. Мелания оглянулась: там, где еще мгновение назад бушевало пламя, теперь виднелась лишь туманная дымка, похожая на утренний мираж.

ГЛАВА 1. ПОДКИДЫШ

Октябрь 1903 года. Окраина Санкт-Петербурга.

Дул осенний пронизывающий ветер. Ночное небо было застлано темными тучами, изредка оно словно раскалывалось на части, озаряемое молниями. Моросил холодный дождь.

Вдали, на проселочной дороге, в полумраке показалась фигура девушки. Она двигалась неуверенно, словно пьяная. Одинокая девушка, одетая явно не по погоде, несла в продрогших руках корзину. Короткий серый плащ нараспашку, голые ноги, обутые в черные мужские ботинки явно большего размера. На вид девушке было двадцать с небольшим. Ветер трепал ее русые волосы, кутая в них острые черты лица.

Девушка остановилась, прислонившись к старой, обветшалой ограде, словно искала опоры в этом неприветливом мире. Взгляд ее блуждал по пустынной дороге. Корзина в руках слабо покачивалась, как будто в ней таились какие-то тайны, которые она не решалась раскрыть. В воздухе витал неприятный запах мокрой осенней земли, смешивавшийся с ощущением надвигающейся бури.

С трудом собравшись с мыслями, девушка тихо вздохнула и продолжила путь. Каждый шаг давался ей с трудом, как будто сама дорога противилась ее желанию идти дальше.

Наконец, возле одного низкого домишки, стоявшего поодаль от дороги, девушка остановилась. Нерешительно она вошла в калитку и сделала несколько шагов в сторону дома. В одном из окон тускло горел свет. Девушка немного замешкалась, но потом снова зашагала к дому уже решительнее. Она ступила на крыльцо, медленно опустила на пол корзину и села на корточки, склонившись над ней. В корзине лежал младенец, закутанный в старый темный платок. Девушка осторожно приоткрыла платок и взглянула на маленькое личико. Младенец спал, его губы были пухлыми и розовыми, а в ресницах застряли остатки ночного сна. Сердце девушки дрогнуло, и ей показалось, что мир вокруг на мгновение замер. Слезы покатались из глаз незнакомки.

— Прости, малютка, — тихо шепнула она.

Поборов свои чувства, девушка встала на ноги и подошла к деревянной двери, несколько раз со всей силой стукнула по ней и поспешно сбежала с крыльца. Она бежала, не оборачиваясь. Вскоре силуэт девушки бесследно растаял в ночной темноте.

Спустя немного времени деревянная дверь со скрипом отворилась. На крыльце показалась тучная фигура высокого молодого мужчины лет тридцати-тридцати пяти. Густая темная борода закрывала половину его лица. Прищутив темные глаза, мужчина с любопытством посмотрел в ночную даль, затем его взгляд медленно опустился на корзину, которая стояла посреди крыльца. Мужчина приблизился к ней и приподнял платок. Его глаза расширились от удивления. Он снова посмотрел вдаль, затем по сторонам. Но вокруг не было ни души. Мужчина взял корзину с крыльца и шагнул с ней за деревянную дверь.

Он вошел в небольшую комнату с низким потолком, походившую толи на спальню, толи на кухню. В его руках была корзина с младенцем. Дитя уже проснулось и стало тихонько кричать. Мужчина бросил косой взгляд на женщину, которая лежала на кровати в дальнем углу комнаты, кутаясь в теплое серое одеяло.

— Вот, полюбуйся-ка, подкинули! — фыркнул мужчина и поставил корзину на стол.

На столе на чистой бежевой скатерти среди прочего стояли два пиала с недопитым чаем и тарелка с кренделями. В комнате горел неяркий свет. В углу стояла деревянная детская колыбель, в которой спал еще один младенец.

Женщина, услышав слова мужчины, вскочила с кровати, отбросила одеяло в сторону и подбежала к столу. Она развернула края платка и увидела новорожденного.

— Ах! — развела руками женщина от удивления и опустилась на стул.

Ребенок в корзине зашевелился и издал плач. От этого шума проснулся другой ребенок, спавший в дальнем углу комнаты.

— Кто же это нам подбросил? — спросила женщина и вопросительно подняла брови.

Женщине было тридцать с небольшим. Правильные черты лица: большие карие глаза, густые черные брови с легкой извилиной, прямой нос, пухлые губы. Темно-русые волосы были собраны на макушке в виде гульки. Первые легкие морщины уже притаились на лице женщины.

— Петруша, — обратилась она снова к мужчине, — чей ребенок-то?

— Я почему знаю?! — повышенным тоном ответил мужчина и подошел к колыбели в углу, стал тихонько качать. Ребенок в ней затих.

Женщина склонилась над корзиной с ребенком и раскрыла полностью платок.

— Это девочка! — воскликнула она.

— Дурная ты, Катька! — выпалил Петр. — Да что с того, что девка?! Не легче!

Екатерина тем временем нащупала в корзине у ног младенца какой-то сверток. Это был лист бумаги, свернутый пополам. Она развернула его, пробежалась глазами и ахнула:

— Ах! Это дочка Галины!

— Что??? — удивился Петр, подбежал к жене и выхватил у нее записку.

Там было сказано:

Сестра, Богом молю, позаботься о моей кровинушке. Не могу я ее бросить на произвол судьбы. Сердце разрывается от боли, но иного выхода у меня нет.

Дочку нарекла Меланией.

— Что это значит? — спросил Петр, поднимая взгляд на жену. В ее глазах было смятение, она тяжело вздохнула.

— Это письмо матери, сестры моей, — произнесла она тихо, словно боясь, что произнесенные слова изменят ход событий. — Она просит о помощи, о том, чтобы мы позаботились о ребенке.

Екатерина замолчала, обдумывая каждое слово. Внутри нее сталкивались противоречивые чувства: желание помочь и уязвимость от непредсказуемого поворота судьбы. Ее взгляд вновь упал на записку, и она поняла, что это не просто просьба. Это был крик о помощи.

— Не бывать этому! — выпалил Петр. — Нагуляла где-то, курва! А мы должны ей помочь?!

Он было ухватился за корзину, чтобы вынести ее прочь, но Екатерина остановила его и взмолилась:

— Петруша, заклинаю тебя! Заклинаю нашей дочерью, Варенькой! Не будь ты так жесток! Не уж то двоих не поднимем?!

Екатерина жалостливо смотрела на мужа. Тот замер на месте, его глаза потемнели от противоречивых чувств. Он сжимал корзину, словно искал в ней опору, но внутри него поднимался шторм.

— Катя, ты же знаешь, как мне тяжело, — закричал Петр. — Но жизнь у нас и без этого полна лишений. Времена суровые нынче. Как взвалить на себя еще одну ношу?!

— Я понимаю, но ведь эта беда не наша вина! Мы не можем просто так бросить ее! — Екатерина подошла ближе к мужу, протянув руку. — Помнишь, как мы мечтали о детях? И теперь их будет двое!

Петр, наконец, ослабил хватку и медленно отпустил корзину. Он шагнул к выходу, бурча себе под нос:

— Черт с тобой и с этим ребенком!

Дверь за ним захлопнулась. Екатерина села на стул и обхватила руками корзину с племянницей, взглянула на нее. Малышка перестала плакать и с интересом посмотрела на женщину.

— Крошка, Мелания, ты ж ни в чем не виновата... — шепнула ласково Екатерина.

Малышка улыбнулась. В маленьких глазках проблеснули едва заметные огоньки, будто бы все происходящее ей было понятно, и будто теперь она была спокойна за свою дальнейшую судьбу.

ГЛАВА 2. ФЕИ И РОЗГИ

Июнь 1915 года. Окраина Петрограда.

Чумазая девчушка, одиннадцати с небольшим лет от роду, играла в сарае с солнечными лучами, проникающими сквозь щели в деревянных стенах. Она сидела на кучке старого сена, притянув коленки к груди, и смотрела, как теплые золотистые полосы танцуют на полу, создавая удивительные узоры. Каждый луч, словно волшебная нить, обнимал ее, наполняя атмосферу нежностью.

Вокруг был слышен легкий шорох, когда ветер играл с листьями деревьев снаружи, добавляя в эту идиллию мелодию природы. Девочка подняла руку, и ее ладонь поймала один из солнечных потоков и начала с ним легкий танец. Глазами, полными чудес, девочка будто бы собирала капли света, превращаясь на мгновение в фею, мечтая о далеких мирах, где солнце разлито повсюду.

В этом сарае не было ни забот, ни тревог — лишь только свет и тепло, которые согревали душу. Здесь время теряло свое значение, а мгновения становились вечностью. В голове девочки промелькнула мысль:

«Может, я создана для того, чтобы держать в руках свет и превращать его в радость?»

С каждой игривой тенью она становилась все ближе к своей мечте, где солнце всегда было рядом.

Наигравшись с солнечными нитями, девочка резво спрыгнула на пол и выбежала из сарая. Утренний туман медленно растапливало яркое солнце, игривый ветерок нежно обвивал босые ножки девочки. Ее распущенные волосы золотом искрились на солнце, а глубокие зеленые глаза отражали чистое небо. Девочка танцевала на траве, оставляя за собой следы на свежей росе.

На ней было простое голубое платьице, обшитое кружевом, махрящееся на ветру, как легкие облака. Солнечные лучи играли на хрупком теле девочки, подчеркивая невидимую силу невинности. Мягкий смех ее словно переливался в воздухе, заполняя пространство радостью и легкостью. Девочка кружилась в танце, распахнув руки, будто желала обнять весь мир.

— Мелания! — раздался громкий мужской крик из-за деревянной калитки палисадника.

Девочка в тот же миг остановилась и испуганно обернулась.

В саду показалась фигура Петра. Он держал в руке пустое железное ведро.

— Иди-ка, воды натаскай! — тихо сказал Петр и пристально посмотрел на приемную дочь. — Нужно все полить в саду.

Мелания подбежала к нему и, ни слова не сказав, выхватила ведро из его крепкой руки. Вприпрыжку она побежала к колодцу.

Для маленькой хрупкой девочки было тяжело черпать из колодца воду и носить ее в сад, пусть даже не по полному ведру. Но так начиналось каждое ее утро с шести лет. Зимой, когда не нужно было ничего поливать в огороде, она чистила снег во дворе, собирала хворост. Петр не позволял ей чувствовать себя ребенком. Именно поэтому Мелания пыталась поймать редкий момент, чтобы поиграть с лучами солнца или с каплями росы на цветах. Иногда, когда Петр уходил на работу, на фабрику, девочка сбегала к реке с прозрачной водой. Она могла сидеть там часами, наблюдая за раскачивающимися на ветру ивами или за рыбками, которые ловко прятались под речными камнями. Этот маленький мир был ее укрытием от тяжелой реальности. Сидя на берегу, Мелания своим тонким детским голоском напевала песни, которые сама же и придумывала...

* * *

На дворе шла Первая мировая война. В Петрограде, где дымовые трубы поднимались в небосвод, а улицы заполнялись звуками колес и гудков, жизнь рабочего класса напоминала битву за выживание. Каждый день начинался рано, когда первые лучи солнца лишь касались серых крыш. Рабочие спешили на заводы, их шаги звучали в унисон с биением сердца города.

На фабриках, охваченных гулом машин, работали руками, изможденными безудержным ритмом труда. День проходил в поте и напряжении, где каждый подарок судьбы воспринимался как мимолетный миг счастья. Ночные смены отнимали последние силы, а вечерами рабочие собирались в кривых переулках, где жизнь бурлила острыми разговорами, сплетнями и пьяной радостью.

Семейные заботы тяготили душу. Дети шли по стопам отцов, их юные руки, полные надежд и неведомых страхов, сжимали тяжелые инструменты. За столами, заставленными простой пищей, собирались семьи, и в глазах каждого за столом горел огонек стремления к лучшей жизни.

Война не обошла стороной и семью Никитиных. Сам Петр по причине инвалидности не мог идти на фронт. Он трудился в две смены на фабрике. Екатерина следила за хозяйством и растила дочерей — Варю и Меланию. Она всячески поддерживала мужа, делала все, чтобы сохранить уют в доме, несмотря на постоянную нехватку продуктов и растущие трудности. Когда Петр возвращался с работы, он находил на столе тепло домашних блюд. Улыбки дочерей встречали его.

Однако не взлюбил Петр приемную дочь, корил ее за каждую детскую шалость. В родной дочери души не чаял, а вот Меланию наказывал за каждый ее проступок.

Мелания, скромная и тихая девочка, всегда старалась угодить Петру, но тщетно. Его холодный взгляд вызывал у нее лишь страх. Каждое неосторожное движение, каждая мелочь, за которую ее могли осудить, оборачивалась наказанием. Она не могла понять, в чем была причина неприязни со стороны Петра, и единственным утешением для нее была сестра, которая, казалось, была защищена от всех бурь, бушевавших вокруг.

Сама Варя была девочкой, развитой не по годам. Черты ее лица обрамляли вопросительные глаза, полные любопытства и жажды знаний. Каждый ее взгляд словно искал ответы на тайны окружающего мира. Узкие губы часто расплывались в задумчивой улыбке, как будто она уже знала что-то важное, чего не знали взрослые. Свою сводную сестру Варя не любила, словно чувствовала, что та ей не родная, или же просто перенимала поведение отца.

Петр иногда проводил вечера с родной дочерью, рассказывая ей удивительные истории и заставляя весело смеяться. В эти моменты Мелания чувствовала себя ненужной. Она была словно тень, неспособная приблизиться к лучам света, которые исходили от уютного семейного очага. Мелания просто сидела в сторонке, прижимая к груди любимую игрушку, и мечтала о том, чтобы однажды заслужить одобрение Петра.

Тепло она видела только от Екатерины, которая тайком жалела ее и ласково прижимала к себе, пока муж не видел.

В один из осенних вечеров семья ждала возвращения Петра с фабрики. Дочери помогали матери сварить на печи похлебку из картошки. Запах вареного картофеля наполнял комнату, создавая атмосферу тепла и домашнего уюта. Мать, слегка покачиваясь, стояла у стола и нарезала лук, а дочери, от нечего делать, то и дело выглядывали в окно. У каждой из них на лице играла легкая тревога — с каждым днем Петр возвращался с работы все позже. Вечерние тени удлинялись, и за окном уже начало смеркаться.

— Может, случилось что-то? — шепнула Варя, прижимая ладонь к стеклу. Мать покачала головой, а в сердце кольнуло беспокойство. Ее рука замерла над кастрюлей. Сейчас ей хотелось ускорить время, чтобы Петр смог поскорее вернуться домой.

Наконец половицы в сенях тихо затрещали. Дверь отворилась. На пороге появился Петр. Взглянув на его родное лицо, Екатерина почувствовала, как тревога уходит. Она встретила мужа улыбкой и вкусной похлебкой, которая была приготовлена специально для него.

Петр сбросил с себя бушлат и грузно уселся за стол. Мелания, пытаясь угодить ему, подбежала к печи, наполнила миску горячей похлебкой и поспешила к столу. Но вдруг что-то мягкое под ногой заставило ее остановиться. Она наступила на картофельный очисток. Мелания не смогла удержать равновесия и пошатнулась, опрокинув миску с похлебкой на пол. Екатерина ахнула и бросилась к девочке. Увидев это, Петр вскочил из-за стола, оттолкнул жену в сторону и подошел к Мелании.

— Маленькая дрянь! — закричал он. — Я голодный пришел с работы, а ты последнюю еду изводишь!

Петр с треском вlepил девочке подзатыльник.

Мелания всхлипнула и отшатнулась от него, глаза ее наполнились слезами. Ей было всего одиннадцать, и она не понимала, почему этот страшный дядя, который всегда выглядел таким сердитым, снова закричал на нее. Мелания посмотрела на свои босые ноги, испачканные похлебкой. Ей стало страшно. Внутри маленького сердечка зародилось чувство вины, но в то же время она не могла сдержать желание объясниться.

— Это не я, — пробормотала Мелания, вытирая влажные руки о подол своего платья. — Я не хотела!

Екатерина стояла в стороне, шокированная поведением мужа. Она почувствовала, как слезы подступили к глазам. Из-за таких пустяков ссориться не стоило. Екатерина подошла к Мелании, обняла ее и сказала мягким голосом:

— Все в порядке. Мы все уберем.

Девочка всхлипнула, обхватив руками голову.

«Почему он всегда так сердится?» — подумала она, потирая ухо. В глазах блестели слезы, а в душе зарождалось острое чувство несправедливости.

— Я же всего-навсего хотела накрыть на стол, — пробормотала Мелания, поднимая взгляд на Петра. Но он лишь отвернулся, будто не слышал ее слов. Плечи Петра напряглись от злости, как будто весь мир свалился на него, а девочка стала его жертвой. Слезы лились все сильнее из глаз Мелании, и тень страха окутала ее сердце.

Петр ненадолго вышел в сени, затем вернулся, сжимая что-то в кулаке. Он схватил Меланию за шиворот и потащил в угол. Петр разжал кулак — и на пол посыпались горошины. Мелания знала, что это значит: Петр уже не раз ее так наказывал.

— Вставай на колени! Прямоком на горох! — прокричал Петр и толкнул девочку на пол.

Мелания послушно встала на колени. Она сжала губы, чтобы не издать ни звука, но слезы уже начали собираться на краю ее ресниц. Каждый раз, когда это происходило, она надеялась, что, может быть, в этот раз все будет иначе. Но надежда все больше вытеснялась страхом, и она знала, что Петр не изменит своих методов воспитания. Горошины больно впивались в колени, но Мелания заставляла себя оставаться стойкой.

Она опустила голову, скрываясь от взгляда Петра, который, как нож, разрезал все ее попытки оправдаться. Внутри Мелания ощущала, как этот молчаливый протест рос, будто уверенный росток среди камней. Она мечтала о дне, когда сможет освободиться от его власти и побоев.

— Папа, пожалуйста, — прошептала Мелания, но звуки ее голоса проявились только в тишине угла комнаты.

— Не называй меня отцом! — взорвался Петр.

Ни надежды, ни любви не было в его ответах, лишь тень бесконечного цикла насилия и страха, в которые Мелания попала не по своей воле.

Петр выбежал из дома, Екатерина вслед за ним. На крыльце она схватила мужа за руку и взмолилась:

— Петруша, сжался над девочкой! Она не нарочно.

Петр отдернул руку и спустился с крыльца. Широко расставив ноги, он уселся на деревянную скамейку во дворе, достал папиросу и закурил. Петр повернулся к жене и сказал:

— Ее пороть надобно! А то, поди, вырастет шалавой. Как ее мать.

Екатерина молча смотрела на мужа, пока тот курил.

Луна лениво заглядывала в окно. В доме было тихо, все спали. Не спала только Мелания. Уже который час она стояла в углу. Стояла коленями на горохе. Боль настолько стала привычной, что она почти не ощущала ее. За окном шептали деревья, и Мелания могла слышать, как ветер играет с их ветвями.

Сквозь тонкие стены дома до нее доносились тихие звуки, но они были бесполезны. Время тянулось бесконечно, и мысли о том, что будет дальше, не отпускали Меланию. Она посмотрела на горох под коленями: его острые грани оставляли под собой кровавые следы, но сил изменить что-либо не было. Луна светила нежно, как утешительница, но вместо умиротворения только разжигала внутри Мелании угли стыда и отчаяния. Не спать, не жить — лишь просто существовать в тени иллюзий.

* * *

Осень в тот год выдалась теплая, сухая. Листья на деревьях медленно меняли цвет, превращаясь в богатую палитру от золотых до глубоких багряных оттенков. Птицы еще не улетели в теплые края, а распевали свои песни, словно не замечая приближения холодов. Солнечные дни плавно сменялись прохладными вечерами, что создавало атмосферу уюта и спокойствия.

Осенним вечером Мелания и Варя играли в саду у дома. Екатерина время от времени поглядывала на дочерей и продолжала заниматься делами в огороде. Она собирала сухую траву в кучу, чтобы по весне в огороде было меньше забот.

Варя сидела на скамейке и играла с куклой, представляя, что та ее дочь. Уставившись в пустоту, Варя нежно гладила куклу по белым мохеровым волосам. Для нее был важен этот мимолетный мир, в котором можно быть не просто девочкой, а заботливой матерью. Она представляла, как ведет свою дочь по парку, как на холоде укутывает ее в одеяло, как учит говорить слово «мама».

У Мелании игрушек вовсе не было. Она с завистью смотрела на сестру. Сидя в тени, Мелания пыталась скрыть слезы, раздирающие ее от зависти. Взгляд цеплялся за куклу, как будто в ней содержался весь смысл счастья — той жизни, которую она мечтала прожить. Осенним вечером Мелания и Варя играли в саду у дома. Мелании казалось, что Варя просто не замечает ее.

«Почему она не может дать мне эту куклу хотя бы на минуту?» — подумала Мелания.

В ней боролись обида и желание. Мелания давно уже научилась прятать свои чувства, но сейчас было трудно оставаться незамеченной. Внутренний голос подсказывал, что она тоже достойна игры, также как и Варя, и что она не должна оставаться в тени.

Мелания подошла к сестре и тихо попросила:

— Давай вместе поиграем.

Варя бросила на Меланию колкий взгляд, прижала куклу к себе и крикнула:

— Нет! Это моя кукла!

Мелания робко протянула руку к кукле, но Варя отдернула куклу в сторону и спрыгнула со скамейки.

— Дочки, не ссорьтесь! — раздался голос Екатерины откуда-то из-за дерева.

Варя оттолкнула Меланию и побежала к сараю. Словно в тумане, вовсе не собираясь сдаваться, Мелания побежала вслед за сестрой. Догнав Варю, она снова попыталась взять куклу.

Варя с силой отдернула руку, и кукла разлетелась пополам: одна половина осталась в руках у Вари, другая — у Мелании.

— Ты что наделала?! — завизжала Варя, глядя на сломанную куклу.

— Я не хотела! Я только поиграть хотела с тобой! — опешила Мелания.

Варя громко завопила, тут же ее вопли перешли в громкий плач.

Екатерина поспешила на крики.

— Что произошло тут у вас? — спросила мать.

Она подошла к дочерям и увидела на земле разломанную куклу, а рядом лежала Варя и кричала в иступлении. Екатерина присела на корточки и стала успокаивать дочь:

— Это просто кукла! Ничего страшного не случилось!

Мать посмотрела на Меланию, которая стояла красная от стыда и досады. На ее глазах блестели слезы. Екатерина, взглянув через плечо Мелании, заметила Петра, стоявшего возле калитки. Он только пришел с фабрики и, видимо, стал свидетелем произошедшего. Брови на лице Петра сдвинулись, глаза заблестели. Он крикнул:

— Ах ты, выродок чертов!

Мелания вздрогнула, услышав за своей спиной крик. Она резко обернулась и увидела, как Петр быстро шагает по направлению к ней.

«Бежать?» — подумала Мелания.

Но бежать было некуда. Грубые мужские руки в одно мгновение подхватили ее и бросили на скамейку. Спустя несколько секунд жгучая боль прокатилась по всему телу Мелании. Деревянный прутик взмывал вверх, рассекая воздух, и опускался на ее спину. За яркими вспышками боли она лишь слышала собственные крики, которые, казалось, растворялись в воздухе, не доходя до чужих ушей. Страх сковывал сердце Мелании, а мысли смешивались в густом тумане ужаса. Каждый удар прутика заставлял осознавать, что мир не защищает ее, что надежда на спасение оставила ее в этот момент.

Пытаясь защитить Меланию, Екатерина подбежала к мужу. Но Петр с силой оттолкнул ее. Та не удержалась на ногах и упала навзничь. И только Варя молчала. Она с улыбкой наблюдала за всем происходящим, позабыв уже о сломанной кукле.

Лицо Петра искажилось в злобной гримасе. Он, казалось, не осознавал, что теряет человеческое обличье и превращался в зверя. Крики Мелании лишь напоминали ему о том, что та просто приبلудная дочь, которую ему когда-то подкинули. Розгами он наказывал приемную дочь уже не в первый раз.

Наконец, когда ударов стало меньше, Мелания почувствовала, как прижимается к ней тишина. Она закрыла глаза, пытаясь спрятаться от зла, превратившегося в ее реальность. В глубине души поднималась не просто волна боли, но и желание выжить, несмотря ни на что.

В эти мгновения Мелания хотела вырваться, убежать отсюда и никогда не возвращаться. Но куда бежать? К беспризорникам, которых полно кругом? Да хотя бы! Ну и пусть им нечего есть и негде ночевать, но над ними, по крайней мере, никто не издевается. Разве могла какая-то кукла стоять таких страданий?!

Петр отбросил прутик в сторону и молча вошел в дом. Екатерина проследовала за ним.

Мелания, не чувствуя собственного тела от боли, скатилась со скамейки на землю. Сейчас в ней зарождалось чувство ненависти к Петру. Она лежала на холодной осенней земле, вся в слезах. Ее мысли металась, как листья на ветру. Но больше всего ненависти в этот момент Мелания испытывала к родной матери, которая бросила ее и обрекла тем самым на все эти страдания. То, что в этой семье она неродная, Мелания стала понимать с годами. Ведь к родным детям так не относятся. Каждый раз, когда кто-то говорил о матерях, о любви и заботе, Мелания ощущала, как внутри нее поднимается волна ненависти. Это было не просто чувство — это было ее оружие против боли, ее способ выжить в мире, который казался таким жестоким. Мелания мечтала о мести, о том, чтобы однажды встретить мать и сказать ей все, что

держала в себе. Но где-то в глубине души Мелания понимала, что ненависть лишь отравляет ее собственную жизнь.

ГЛАВА 3. НЕПОТРЕБНАЯ ДЕВКА

Октябрь 1921 года. Окраина Петрограда.

Прошли годы. Мелания повзрослела. Из маленькой чумазой девчушки она превратилась в красивую барышню. Ее легкие, грациозные движения завораживали окружающих. Рыжие волосы, словно солнечные лучи, струились по заостренным плечам. У нее были красивые черты лица, овальную форму которого четко подчеркивали скулы, как у девушек, сошедших с полотен Репина и Брюллова. Яркие зеленые глаза, словно два изумруда, маленький вздернутый носик, слегка пухлые губы. Густые ресницы делали ее взгляд еще более притягательным, будто она хранила в себе множество нерассказанных историй. Вся ее внешность, как симфония, о которой хотелось говорить бесконечно, оставляла за собой след волшебства и загадки, делая Меланию не просто красивой, а поистине незабываемой. Каждое утро она любила стоять у окна и смотреть на восходящее солнце, предвкушая новый день и его возможности.

Соседские мальчишки, которые когда-то дразнили ее, теперь с восхищением наблюдали за волшебным превращением в девушку. Мелания не обращала на них внимания. В ее душе росло стремление открыть для себя мир, наполненный новыми впечатлениями и знаниями. Однако все подобные стремления жестко пресекались Петром, который почти ежедневно наказывал приемную дочь по поводу и без. Тем не менее, Мелания закончила четыре класса школы, научилась читать и писать.

В тот год страну охватил страшнейший голод, вызванный неурожаем в Поволжье. Революция, Гражданская война, продразверстка лишь усугубили ситуацию в стране.

У Никитиных тоже было тяжело с продовольствием. В основном питались тем, что выращивали в огороде, но еды крайне не хватало. Да еще и половину урожая растащили из сада беспризорники. Огородом занимались Варя и Мелания. Екатерина последнее время стала слаба здоровьем: туберкулез измучил ее исхудавшее тело. Мать почти не вставала с постели.

Одним осенним вечером Петр вернулся с фабрики раньше обычного, еще даже солнце не успело коснуться горизонта. Он с задумчивым выражением лица вошел в дом. Екатерина, увидев мужа, обрадовалась и попыталась встать с кровати.

— Лежи уж! — негромко сказал он жене.

Екатерина послушно откинула голову обратно на подушку и сказала:

— Там есть немного еды на столе. Нашли, что смогли.

Петр посмотрел на стол, где лежало что-то съестное, завернутое в платок, потом перевел взгляд на жену и отмахнулся:

— Потом.

Петр опустился на скамейку и прислонился спиной к печи. Его мысли были где-то далеко. На лице была какая-то непонятная тень.

Варвара, ставшая тоже привлекательной девушкой с темными волосами и глубокими темными глазами, сидела на табуретке у кровати матери. Она вопросительно посмотрела на отца, но ничего не спросила.

Мелания не обращала на Петра никакого внимания и молча протирала пыль на подоконниках.

Затянувшееся молчание нарушил глава семьи. Он тихим, монотонным голосом сказал:

— Нам нечего есть. Неизвестно, когда этот голодомор закончится. Люди мрут.

Следующая фраза наконец-то раскрыла причину его таинственной задумчивости:

— Лишние рты нам не нужны нынче.

Мелания, давно осознававшая, что она лишняя и чужая в этом доме, обернулась и посмотрела на Петра широко раскрытыми глазами. Ее губы слегка приоткрылись. Она ждала, что еще скажет Петр. Тот продолжил:

— Мелания, собирайся! Я отведу тебя в одно место. Там теперь будешь жить.

Мелания замотала головой и крикнула:

— Я никуда не пойду!

Она бросилась к Екатерине и схватила ее за ноги. Взмолилась:

— Мама, не позволяй ему!

Мелания жалостливо смотрела в глаза Екатерины, ища в них помощи.

Екатерина спросила мужа:

— Петруша, ты что это удумал?

Петр не ответил жене. Он встал со скамейки и пробурчал в сторону Мелании:

— Дура! Я о тебе пекусь. Там тебе будет и кров, и еда.

Он сдернул Меланию с кровати и толкнул в угол, где лежали ее вещи.

— Одевайся, сказал! — приказал Петр.

— Я не пойду! — заорала Мелания и со злобой посмотрела на Петра.

В следующий миг его рука взметнулась в воздух и вlepила Мелании пощечину. Та оторопела. Она потеряла ладонью щеку. Внутри все закипело. Мелания бросилась к Петру и со всех сил толкнула его руками в грудь. Но тот даже не шелохнулся. Он схватил пальто Мелании одной рукой, второй подхватил ее саму под руку и потащил к двери.

Екатерина хотела встать с постели, чтобы заступиться за Меланию, но ноги ее подкосились, и она рухнула обратно.

Петр распахнул дверь и ударил Меланию в спину, тем самым подтолкнув ее к выходу. Они оба скрылись за дверью.

Ночь вступила в свои права и украсила небо яркими звездами. Уличные фонари Невского проспекта тускло освещали прохожих. Мимо куда-то брели люди, укутанные в пальто и плащи, красивые машины ослепляли прохожих своими большими фарами. Тут и там то и дело раздавались крики извозчиков:

— Эй, поберегись!

Мелания молча шагала за Петром, с любопытством заглядываясь на уличные вывески с надписями «Аптека», «Библиотека», «Фотография». Шли они уже долго. За следующим кирпичным зданием Петр свернул за угол, Мелания послушно проследовала за ним. Спустя еще несколько минут Петр остановился у красивого многоэтажного здания. Оно возвышалось на углу улицы, укрывая свою мощь под слоем серого цемента и старинного кирпича. Высокие окна, глубокие и узкие, словно прищуренные глаза, наблюдали за переменчивым жизненным потоком города. Каждый этаж был украшен скромными, но выразительными барельефами, изображающими сцены труда и братства, символизируя веру в будущее.

— Пришли, — пробормотал Петр и осторожно постучал в дверь.

Спустя какое-то время дверь отворилась, за ней возник силуэт высокого мужчины лет пятидесяти. Он был худощавого телосложения, но жилистым. Одет был мужчина в просторный костюм темно-коричневого цвета. Маленькие темные глаза обрамляли густые темные брови. На левой щеке был узкий длинный шрам: он начинался у самого глаза и терялся под густой бородой, за которой вовсе не было видно рта. Но вдруг раздался его голос. Мужчина спросил:

— Чего изволите?

— Я к Софье Андреевне, у меня договорено! — бормотал Петр. — Передайте ей, что Петр Никитин пришел.

Высокий мужчина скрылся за деревянной резной дверью. Его не было минут пять, затем дверь снова отворилась, и мужчина жестом пригласил гостей войти.

Мелания последовала за Петром, а тот — за высоким мужчиной в костюме. Втроем они поднялись по широкой лестнице на второй этаж и прошли к одной из многочисленных комнат.

— Сюда, — указал жестом на дверь провожатый и исчез за углом.

Дверь распахнулась. За ней стояла стройная дама средних лет в длинном бархатном платье темно-зеленого цвета. Крупные белые бусы обвивали ее длинную тонкую шею. Черные волосы были пострижены под каре. Весь этот образ больше походил на образ киноактрис того времени. Женщина, увидев гостей, воодушевилась. Ее тонкие красные губы изогнулись в легкой улыбке. Темные глаза засияли.

— Петр, голубчик, вы пришли! Я уж и не чаяла! — воскликнула женщина.

Она перевела свой взгляд на Меланию, стоявшую тихонько в стороне. Взгляд этот Мелании очень не понравился, на душе возникло странное ощущение, будто вот-вот случится что-то нехорошее.

— Проходите, садитесь! — сказала Софья Андреевна и указала жестом на стулья, стоявшие у темного лакированного стола.

Мелания оглядела комнату, походившую больше на кабинет высокопоставленного чиновника: стены в золотистых обоях, окна, зашторенные бордовыми шторами с золотистой бахромой. У одного из окон стоял письменный стол, на котором была куча всяких мелочей: часы, пепельница, фарфоровые статуэтки. В углу стоял шкаф с книгами, а около него — миниатюрный бордовый диванчик с резными подлокотниками. Побеленный потолок украшала большая стеклянная люстра из муранского стекла.

Пока Мелания с любопытством глядела по сторонам, Петр уже удобно уселся за стол напротив Софьи Андреевны. Та внимательно смотрела на гостя, вставляя сигарету в мундштук из слоновой кости.

— Вот, привел вам девку, как и договаривались, — произнес Петр.

— Восхитительно! — воскликнула хозяйка и поднесла мундштук к своим ярко-красным губам.

Мелания ничего не понимала и, открыв рот, смотрела на Софью. Та перевела взгляд с Петра на нее и с любопытством прищурилась.

— Надобно осмотреть товар, — произнесла Софья.

— Ну, так, э-э-э... — бормотал Петр, разводя руками.

Услышав слово «товар», Мелании и вовсе стало не по себе.

— Эй, Шило! — вдруг очень громко крикнула Софья, однако ей никто не отозвался из-за двери.

Она крикнула еще громче:

— Клим! Поди сюда, черт окаянный!

В комнату не спеша вошел тот самый мужчина, который встречал гостей у входа. Он обратился к хозяйке:

— Чего изволите, Софья Андреевна?

— Нам осмотреть девку надо, — сказала Софья и вновь сжала мундштук своими губами.

Клим подошел к Мелании и скомандовал:

— Раздевайся!

— Чего? — опешила та.

Клим повторил:

— Одежу снимай, дура!

Софья издала негромкий смешок и тихо проговорила, словно сама себе:

— Да она еще и глухая...

Мелания стояла, оцепенев. Клим протянул руку к вороту ее пальто, как вдруг она резко отступила назад, выкрикнув:

— Я сама!

— Ну, так снимай! — не унимался Клим.

Мелания медленно расстегнула пуговицы пальто и скинула его с плеч. Клим выхватил пальто и швырнул его на пол. Мелания осталась стоять посреди комнаты в одном лишь платье.

Взгляд Софьи вдруг перестал быть дружелюбным. Ее лицо стало каменным. Она посмотрела на Клима и кивнула. Поняв приказ хозяйки, тот подошел к Мелании со спины и разорвал на ней платье. Ткань затрещала, клочья платья скатились вниз. Все, что было надето под платьем, также было порвано Климом. Мелания стояла полностью голая, пытаясь прикрыть себя руками. При виде обнаженной Мелании Петру стало не по себе, он отвернулся и старался не смотреть на нее.

Софья затушила сигарету, отложила мундштук в сторону и встала из-за стола. Она медленно подошла к Мелании и стала осматривать ее со всех сторон, сверху вниз, скользя взглядом по жемчужно-белой девичьей коже. Мелания была прекрасно сложена: пышная грудь, округлые бедра, тонкая изящная талия, стройные ноги, тонкие запястья и длинные пальцы.

— Хороша! Ах, кобылка! — бормотала себе под нос Софья.

Она протянула руку к голове Мелании и выдернула из пучка волос шпильки — огненные локоны рассыпались по изящным плечам девушки. Вдруг взгляд Софьи стал пристальным. Она внимательно посмотрела на спину Мелании, вдоль которой расстилались шрамы. Их форма и цвет варьировались: некоторые скользили вдоль позвоночника, как тонкие трещины на старом фарфоре, другие же представляли собой широкие полосы, исчерченные временем и испытаниями. Светлые, почти жемчужные шрамы, казалось, искрились под светом ламп, в то время как темные, застарелые, больше походили на густые тени.

— Это еще что? — воскликнула Софья и вопросительно посмотрела на Петра.

Тот смекнул, в чем дело, и сказал:

— Так не слушается она меня. Воспитывать приходится.

— Тебя бы так воспитать! — сыронизировала Софья. — Такой товар испортил! Эх!

Она хлопнула в ладоши, потеряла их и обратилась к Петру:

— Забираю ее. Будет моей жемчужиной.

Софья прошла к письменному столу, достала из ящика несколько денежных купюр и бросила их Петру на стол. Тот схватил деньги и расплылся в улыбке:

— Благодарствую, Софья Андреевна!

Мелания посмотрела на деньги, слезы потекли из ее зеленых глаз, горькие и обжигающие. Она не могла поверить в то, что происходило сейчас в этой комнате.

Петр поспешно сунул деньги в карман, раскланялся и направился к выходу. Мелания смотрела ему вслед, проклиная всей душой. Петр вышел и закрыл за собой дверь.

Софья села на стул напротив Мелании, закинув ногу на ногу, и сказала:

— Ну что, барышня, теперь ты принадлежишь мне.

Мелания схватила с пола пальто и накинула на себя. Она смахнула слезы со щек и дрожащим голосом спросила:

— Вы что же это, купили меня? Как пару новеньких башмаков?

— Да, милочка, — ответила Софья. — Теперь жить и работать будешь тут.

— Как работать? — не понимала Мелания.

Софья ничего не ответила, а только громко расхохоталась, затем приказала Климу:

— Отведи ее в комнату к Лизке.

Клим толкнул Меланию к двери. Та послушалась. Они прошли по длинному коридору, желтые стены которого были украшены светильниками и красивыми картинами. У одной из дверей Клим приказал остановиться:

— Сюда заходи!

Мелания послушно вошла, дверь за ней закрылась, и она услышала, как ключ повернулся в замке, давая понять, что выхода отсюда нет и теперь она взаперти.

Комната была небольшая: светлые стены, побеленный высокий потолок, темные шторы на окнах. На полу лежал красивый синий ковер. Из мебели в комнате были стол, стулья, шкаф для одежды и зеркало. У зашторенного окна стояли две небольшие кровати.

В комнате больше никого не было. Мелания дернула ручку двери, пытаясь открыть ее, но тщетно. Она не спеша прошла к одной из кроватей у окна. Боль и обида сжали ее сердце так сильно, что не хватало воздуха. Она жадно глотала кислород, но не могла надышаться. Слезы снова полились из глаз. Мелания опустилась на пол, сжимая подол своего пальто. Она понимала, что ее продали в проститутки, вернее, продал человек, растивший ее.

— Почему все это со мной происходит?! — спрашивала она себя, но молчание комнаты оставляло этот вопрос без ответа.

В эти минуты Мелания винила в своих страданиях не столько Петра, сколько свою родную мать, бросившую ее. Ведь будь она рядом, ничего плохого бы не произошло.

Страх, обида, ненависть — все смешалось в голове Мелании. Она плакала, не переставая, пока не заснула, сидя в одном пальто на синем ковре у кровати.

* * *

Непонятное шевеление в комнате заставило Меланию открыть глаза. Она огляделась по сторонам и увидела на соседней кровати молодую девушку, лет восемнадцати. Сколько прошло времени, Мелания не знала, но за окнами по-прежнему была ночь. В комнате горел тусклый свет. Сидящая напротив девушка была одета в изящное черное платье с белыми вставками. Ее длинные русые волосы были слегка растрепаны и спадали на плечи. Девушка держала в одной руке небольшое зеркало, а в другой — кусок ткани. Она пыталась стереть с лица вызывающий макияж: брови были прочерчены жирной обводкой, накрашенные ресницы и ярко красные губы. Девушка посмотрела на Меланию и тихо спросила:

— Новенькая?

Мелания поднялась с пола и уселась на кровать. Она запахнула свое пальто поплотнее и ответила девушке:

— Сегодня меня купили.

Голос Мелании дрогнул, и слезы снова потекли по щекам.

— Не реви, — вытирая губы, сказала незнакомка. — Здесь редко кто по своей воле находится. Кого продают, а кому просто есть нечего.

Она посмотрела на Меланию и придвинулась к ней чуть ближе, сказав:

— Я вообще в пятнадцать лет сюда попала. Дите совсем.

Мелании удалось рассмотреть черты лица незнакомки уже без макияжа. Она всматривалась в лицо девушки, пытаясь уловить каждую деталь, которая могла бы рассказать какую-то историю. Без макияжа кожа выглядела уязвимо, но именно в этом была своя красота — естественность, которую так часто скрывают под слоем косметики. Гладкие щеки и едва заметные веснушки придавали незнакомке юношеский вид, в то время как выразительные голубые глаза выдавали мудрость и опыт, возможно, накопленные за годы борьбы с жизненными трудностями. Некоторые линии на лбу выдавали озабоченность, а легкая тень на подбородке намекала на моменты, полные размышлений. Мелания заметила, как незнакомка иногда прикрывала глаза, словно пытаясь спрятаться от мира, в котором не всегда все так просто. Эта уязвимость придавала ей загадочность, и Мелания почувствовала, что готова узнать больше о ней, о ее переживаниях и мечтах.

— Я Лиза, — представилась девушка.

— Я Мелания, — последовал ответ.

Минуту спустя Мелания нарушила молчание в комнате своими вопросами:

— И как здесь все устроено? Софья тут главная?

Лиза скинула с себя платье и, оставшись в одной черной комбинации, рухнула на кровать.

— Ну, публичный дом он и есть публичный дом. Что тут скажешь?! — отвечала Лиза, глядя в потолок. — Исполняем желания клиентов... Иногда с улицы зазываем их, а иногда сама матушка приводит их к нам сюда. Да, она тут главная. У нее везде свои глаза и уши.

От всех этих слов у Мелании начало щемить сердце, кровь прилила к вискам. Она громко выпалила:

— Но ведь проституция нынче под запретом! Как же так?!

Лиза хихикнула и сказала:

— Под запретом! Как же! У Софьи есть влиятельный друг в самом Совете. Ей все нипочем. Шило — главный ее мордovorот. Делает все, что она прикажет. А у него тоже есть своя шайка бандюганов.

Мелания не могла поверить в то, что слышала. Ей становилось очень страшно.

— Шило — это Клим? — спросила она у Лизы.

— Да, — ответила та и отвернулась к стене.

— А кормят здесь? — продолжала расспрос Мелания.

— В восемь завтрак. На первом этаже, — Лиза зевнула и продолжила. — Ложись, поздно уже. Жить, кажись, ты со мной в этой комнате будешь. Занимай кровать.

Лиза засопела. Мелания поняла, что та уснула. Из-за двери доносилась негромкая музыка, приглушенные мужские голоса и громкий женский смех. Очевидно, где-то в соседней комнате женщины развлекали мужчин. Мелания не хотела все это слышать. Она легла на кровать, отвернулась к стене и зажала уши ладонями.

* * *

Утром следующего дня Мелания проснулась от того, что кто-то сильно толкал ее в левый бок. Она вздрогнула и подняла голову с подушки. У кровати стояла Лиза. Она сказала:

— Ты что это дрыхнешь?! Пора на завтрак, а то матушка будет недовольна.

Лиза уже была умыта, собрана: ее волосы были аккуратно заколоты на макушке, коричневое бархатное платье изящно подчеркивало фигуру.

Мелания встала с кровати и тихо обронила:

— Мне надеть-то и нечего. Все поразорвали вчерась.

Лиза шустро подошла к шкафу и стала рыться в нем, бормоча:

— Сейчас найдем что-нибудь для тебя.

Она бросила на кровать белое шелковое нижнее белье, белую блузку и черную юбку, скомандовав:

— Одевайся, пойдем вниз!

Вскоре девушки в полном убранстве спустились по лестнице и прошли в столовую. Это было просторное помещение. Интерьер столовой отражал дух эпохи, когда дизайнеры находились на стыке традиционного и современного, сочетая в себе элементы утонченного стиля и простоты функционализма. Стены нежного кремового цвета были украшены картинами в деревянных рамах, изображающими сцены из простого деревенского быта. В центре комнаты стояли накрытые белоснежными скатертями столы из темного дерева с изящной резьбой. По бокам стояли стулья с обивкой из плотной бежевой ткани, укомплектованные высоким спинками, украшающими пространство своим богатым узором. Освещение подавалось из изящных подвесных люстр. В столовой пахло свежесваренным борщом.

«Кругом голод, а тут борщ», — подумала Мелания.

За столами в зале сидело много девушек различной внешности и возраста. Они искоса поглядывали на Меланию и о чем-то перешептывались. Мелании стало не по себе от этого. Она повторяла все за Лизой: подошла к поварихе, взяла тарелку борща с картофельной лепешкой и прошла к столу, где были свободные места; усевшись, принялась за трапезу. В сером костюме и картузе Шило сновал по залу туда-сюда. Он словно что-то искал и никак не мог найти. Мелания покосилась в его сторону и вполголоса спросила у сидящей напротив Лизы:

— А почему его Шило кличут?

Лиза, откусив кусок лепешки, отвечала с набитым ртом:

— Как поговаривают, в прошлом он был осужден за убийство жены. Выколол ей шилом глаза, а потом заколол ее. Он очень злой!

У Мелании защекотало горло толи от рассказа Лизы, толи от горячей похлебки. Она помотала головой.

Дальше девушки ели молча. Мелания старалась больше не смотреть на Клима.

После завтрака все девушки разошлись по своим комнатам. Лиза и Мелания также поднялись к себе и, удобно расположившись на своих кроватях, неспешно продолжили свою беседу.

— А ты не хотела сбежать отсюда? — поинтересовалась Мелания у Лизы.

Та подкатила глаза:

— Убежать куда? Матушка везде найдет! А если тебя продали родственники, то и заступиться за тебя более некому.

Мелания опустила глаза. Тень отчаяния скользнула по ее лицу.

— У меня здесь одна отрада, — откровенничала Лиза. — Захаживает ко мне иногда один красавчик. Так он мне мил, что сил моих нету! Когда он со мной, сердце мое млеет. А все остальное для меня — это всего-навсего работа. Кров да еда есть. Чего еще надо-то?! А идти мне некуда. Сирота я.

— Я, стало быть, тоже сирота, хоть и жила с сестрой матери и ее мужем-извергом! — Мелания тоже перешла на откровения. — Мать бросила меня еще в младенчестве. Будь она проклята! Обрела меня на жизнь беспросветную. Муж тетки бил меня смальства, издевался, а теперь и вовсе продал в проститутки...

Монолог Мелании прервали шаги за дверью. Вдруг она распахнулась, и на пороге возник Шило. Он громко крикнул, обращаясь к Мелании:

— Матушка велела тебе идти на кухню. До вечера ты будешь помогать там с готовкой.

Мелания встала с кровати и послушно проследовала за Климом, оставив Лизу одну в комнате.

Они спустились по лестнице, затем прошли через столовую на кухню — небольшое полуосвещенное помещение, заваленное кухонной утварью и какими-то мешками. Вода кипела в котлах. В них что-то замешивала невысокая полная женщина лет пятидесяти.

— Принимай подмогу! — обратился к ней Клим и вышел из кухни.

Женщина повернулась к Мелании и посмотрела на нее своими маленькими добрыми глазами. Это была пожилая дама с округлым лицом, которое излучало доброту и жизнь. Ее щечки, слегка расплывшиеся, напоминали свежие персики. Волосы ее были спрятаны под светлый платок, завязанный сзади. Длинный светлый фартук добавлял ей еще больше полноты. Она обратилась к Мелании:

— Недавно здесь? Меня звать тетя Нина.

Мелания ответила женщине:

— Да, первый день. Меня Меланией кличут.

— Ну будем знакомы! — хлопнула в ладоши тетя Нина. — А теперь бери нож со стола и помогай мне картоху почистить!

Весь день Мелания провела на кухне, помогая с приготовлением ужина. Тетя Нина понравилась ей. Они много разговаривали о жизни, сетовали на свою судьбу. Время пролетело незаметно. Наступил вечер, и мир за окнами погрузился в меланхоличное настроение. Листья, окутанные золотыми и красными оттенками, медленно кружились в воздухе, поддаваясь легкому ветерку. Уличные фонари начали мерцать, их теплый свет пробивался сквозь толстые стекла окон кухни, создавая уютную атмосферу. Из горячих котлов пахло вареной картошкой и гречневой кашей. На кухню вошел Клим и приказал Мелании:

— Матушка зовет к себе! Марш!

Он сопроводил Меланию до кабинета Софьи, постучал в дверь. Оттуда донеслось:

— Ну, входи!

Клим подтолкнул Меланию внутрь.

Софья сидела в углу кабинета на диване и курила. Ее вульгарный макияж не изменился с последней их встречи, а вот наряд, напротив, стал более сдержанным, чем накануне: Софья была одета в длинную строгую юбку мышинного цвета и атласную розовую блузку.

На тумбочке у дивана, в большой хрустальной вазе, были раскинуты гроздь белого винограда, а в центре — большой красивый ананас. Мелания их раньше никогда не видела, поэтому ваза так привлекла ее внимание. Она подумала про себя:

«Голод в стране, а тут ананас!»

Софья посмотрела на вошедших и сразу же встала с дивана, затушив сигарету о пепельницу. Она подошла к Мелании почти вплотную и тихим ровным голосом сказала ей:

— Сегодня у тебя важный посетитель. Ты должна будешь выполнять все, что он скажет. Сейчас Клим подберет тебе красивый наряд, девочки подкрасят тебя и волосы причешут. К двадцати часам ты должна быть готова.

Мелания стояла, остолбенев. Она не была готова к такому повороту событий.

— Нет! — воскликнула Мелания. — Я не стану этого делать!

Софья громко расхохоталась ей в лицо и перевела взгляд на Клима, стоявшего у двери кабинета.

— Слыхал, Климушка?! — съязвила Софья.

Улыбка исчезла с ее лица, а на ее месте появился звериный оскал. Она схватила Меланию рукой за подбородок и крикнула:

— Ты думаешь, я тебя задарма здесь буду кормить?! Нет, деточка. Ты здесь, чтобы работать!

Мелания отстранилась от Софьи, высвободив свой подбородок, и невнятно залепетала:

— Я... Никогда не... Не сумею... Я...

Софья перебила ее:

— Да не блей ты, как овца! Я знаю, что ты нетронутая еще. Именно по этой причине у тебя первый и особый клиент вечером. Иначе пошла бы сегодня, как все, по Сенной! С бланкетками и лярвами!

Софья прошла к столу, повернулась к Мелании и, уже без крика, но железным тоном, сказала:

— Запомни! Больше повторять не стану! Я здесь решаю, кому и что делать!

На глазах Мелании заблестели слезы. Ужас наливал все ее тело дрожью. Она хотела превратиться в птицу и сейчас же улететь отсюда.

— Шагай с Климом и начинай наводить марафет! — добавила Софья.

Мелания не выдержала и громко закричала:

— Не буду! Не смейте меня тут держать!

Мелания рванулась к двери, но выход преградил Клим. Вдруг рука Софьи вцепилась сзади в волосы Мелании. Резкий рывок — и сильная боль растеклась по всему затылку. Мелания не могла пошевелиться.

— Ах, какая ты строптивая! Я тебя научу слушаться! — кричала Софья.

Она развернула Меланию к себе и вlepила ей звучную пощечину. Та не растерялась и рефлекторно вlepила Софье встречную пощечину. Софья опешила. На несколько секунд в кабинете воцарилась полная тишина. Глаза Клима расширились от изумления. Он молча смотрел на Софью. Та испепеляла взглядом Меланию, находившуюся тоже в полной растерянности.

Софья не спеша подошла к окну и замерла, вглядываясь в ночную темноту за стеклом. Спустя некоторое время, не оборачиваясь, она в полголоса сказала слуге:

— Покажи ей, Клим, что бывает, когда мне не подчиняются!

Софья резко повернулась и добавила:

— Только через подушку, чтоб товарный вид не попортить!

Клим схватил Меланию за руку и толкнул на пол. Та упала. Клим подбежал к дивану, схватил с него небольшую подушку и швырнул на Меланию. Затем, усевшись сверху, стал наносить ей удары кулаками через подушку, дабы не оставить на теле следов. Он бил неистово, казалось, с особым наслаждением. В его глазах было полное отсутствие жалости. Он смотрел на Меланию, как на некий объект, забыв о том, что это — человек, с чувствами и мечтами. Клим бил ее по груди, по животу, по ребрам. Каждое движение Клима было выверено, каждая атака — точной, будто он тренировал в себе это долгими годами. Подушка, которая должна была смягчить удары, лишь добавляла абсурдности происходящему, словно Клим играл в какую-то жестокую игру, забыв о правилах человечности.

Мелания, перевернувшись на бок, зажала руками голову, пытаясь защититься от ударов, но с каждой секундой ее сопротивление ослабевало. Вокруг стояла тишина, лишь шум ветра за окном и тяжелое дыхание нападавшего нарушали мрачную атмосферу. Крики Мелании растворялись в бескрайнем мире, где не было места состраданию.

Вдруг подушка накрыла лицо Мелании. Ей стало нечем дышать. Она извивалась на полу, крича от ужаса, но сквозь подушку голоса не было слышно. Мелания устала сопротивляться. Она поняла, что сейчас просто умрет. Холод сковал ее тело, руки обессилили. И вот — глоток воздуха.

«Неужто все закончилось?» — мысленно спросила себя Мелания.

— Довольно, Климушка! — скомандовала Софья. — В следующий раз засунешь ей шило под ногти, если ослушается меня!

Клим поднялся с пола и вернул подушку на прежнее место.

Мелания лежала на полу, раскинув руки и ноги в стороны. Она жадно глотала воздух, которого буквально несколько мгновений назад так не хватало. Все тело болело — от головы до пят. Сил не было ни в руках, ни в ногах. Мелания безмолвно смотрела в потолок. Софья склонилась над ней и, схватив с силой за волосы, приподняла голову Мелании. Чуть слышно, но с ядовитой усмешкой Софья проговорила:

— Если я прикажу, милочка, ты и целую роту солдат обслужишь!

От этих слов Мелании стало страшно и обидно одновременно. Она посмотрела в холодные глаза Софьи. Там были лишь пустота и безразличие.

Софья распорядилась:

— Готовьте ее к свиданию!

Все, что происходило с Меланией дальше, было будто в тумане. Сил сопротивляться не было, страх сжимал ее сердце, пульсировал в висках. Руки Клима подхватили обессиленное девичье тело и куда-то понесли по лестнице. Позднее чьи-то руки небрежно надели на ноги Мелании чулки, юбку, неудобные туфли, застегнули блузку на груди. Кто-то подвел ей карандашом глаза, кто-то нарисовал губы, причесал. Мелькали незнакомые лица. Все звуки были отдаленными и приглушенными.

Вскоре все это закончилось, и Мелания осталась одна в комнате. Горел тусклый свет. Было тихо. Она вспоминала недавнюю сцену в кабинете и пыталась уложить все в голове, но это едва удавалось. Дверь в комнату, чуть скрипнув, приоткрылась. В дверном проеме показался силуэт пожилого мужчины. Лица его Мелания не могла разглядеть. Гость слегка замешкался у двери, затем скинул фетровую шляпу и подошел ближе к Мелании, лежащей на кровати.

— Да ты красавица... — пробормотал он.

Незнакомец скинул пиджак и брюки на пол и стал взбираться на кровать. Его надетое лицо нависло над Меланией. Мужчина тяжело задыхался и шепнул:

— Меня предупредили, что ты неопытная.

Мелания попыталась собрать последние силы, чтобы сбросить с себя незнакомца, и сделала легкий рывок к краю кровати, но сил больше не было. Ее обмякшее тело рухнуло обратно. Незнакомец тем временем шарил своими руками по всему телу Мелании, будто что-то искал. Слова Софьи всплывали в ее памяти:

«В следующий раз засунешь ей шило под ногти, если ослушается меня!»

«Если я прикажу, милочка, ты и целую роту солдат обслужишь!»

Страх сковал все тело, безразличие разлилось по венам. Мелания смирилась со своей участью. Она закрыла глаза и больше не шелохнулась...

Получив то, что хотел, незнакомец ушел, а Мелания осталась лежать на кровати с закрытыми глазами. Нет, она не спала. Как можно спать, когда тебя насильно трогают, рвут на тебе одежду, причиняют боль?! Она лежала неподвижно, лишь слезы серебряными струйками стекали из глаз на подушку.

«Как я ненавижу тебя, мама! За что ты бросила меня?! В чем я виновата?!» — эти вопросы без остановки роились в голове Мелании.

Ответа на них не было. Мелании оставалось лишь одно: лежать и осознавать, что теперь и навсегда для всех она — просто непотребная девка.

ГЛАВА 4. ГРИГОРИЙ

Апрель 1924 года. Ленинград.

Очередная морозная и снежная зима в городе лениво сменилась весной, которая разлилась нежными красками по уличным мостовым, маскируя остатки зимней серости. Город, восстановленный после бурь революции, словно дышал, наполняясь звуками весеннего пробуждения. На Неве в солнечных бликах играли корабли, а их мачты беспечно покачивались, как будто убаюкивая смятенные сердца горожан.

Разбитые улицы, подмятые временем и историей, вновь оживали, заполняясь смехом детей и шепотом влюбленных пар. В воздухе витал аромат свежей выпечки. Кто-то из проезжающих торговцев предлагал свои товары, а старушки с корзинами на руках делились историями о минувших днях.

Полуголые стены домов прятали свои тайны, а яркие надписи революционных лозунгов, словно проблески памяти, напоминали о взрывных страстях, которые не так давно раздирали страну.

Мелания уже третий год жила в борделе. Жила и работала. Она смирилась со своей судьбой и старалась лишний раз не перечить Софье и Климу. Однако смирение пришло к ней не сразу. В первую же зиму Мелания пыталась сбежать от ненавистной хозяйки. Выходя от очередного клиента, она заметила, что один из людей Клима, приставленный присматривать за ней, отвлекся у входа. Она смекнула и тут же бросилась в подворотню. Бежала Мелания долго и бесцельно. В кармане были деньги, что заплатил ей клиент, и она решила проследовать к железнодорожному вокзалу. Оттуда она хотела сбежать хоть куда-нибудь, лишь бы не быть в рабстве. Но прямо у станции ее поджидали люди Клима...

За попытку побега Меланию жестоко наказали: избили, а потом еще вырвали ноготь на мизинце. Она поняла, что матушка была права, когда говорила, что найдет беглянку везде. Да и со временем Мелания сама стала осознавать, что бежать-то и некуда...

В борделе у Мелании не было хороших подруг, лишь Лиза стала для нее той подругой, которая помогала в трудную минуту и которой можно было доверить все свои секреты. Очевидно, это стало возможным в силу того, что девушкам приходилось делить одну комнату.

Иногда Мелания помогала на кухне, в столовой, делала уборку в комнатах других девушек. Днем она работала на Лиговке, продавая свою любовь за деньги и шепча прохожим мужчинам на ухо фразу: «Я живу неподалеку». Но каждое свидание за деньги словно отнимало у нее частицу души. На Лиговке месте с ней было еще много девушек, на любой вкус. Клим и его бандиты издали присматривали за девушками, чтобы вдруг чего не случилось.

Среди притоновских проституток и постоянных клиентов Мелания теперь слыла местной звездой. По приказу Софьи по пятничным вечерам она давала концерты в борделе. Послушать ее приходили мужчины со всего Ленинграда. От этого доходы Софьи росли, как на дрожжах. А началось все пару месяцев назад, когда во время уборки в комнате матушка подслушала, как Мелания напевала красивую песню. Софье пение очень понравилось, и она решила извлечь из этого выгоду, даже афишу на входе повесила. Мелания сначала напроочь отказывалась давать концерты, но после поняла, что пение ее успокаивает, позволяет унести куда-то далеко от брэнного мира. Да и аккомпаниатора ей нашли. Оказалось, что сама Софья прекрасно играла на пианино.

Так и в один из апрельских вечеров Мелания готовилась к выступлению. Лиза аккуратно укладывала подруге волосы в красивую прическу.

— Да ты прям Мэри Пикфорд! — воскликнула Лиза от изумления. — Очень красиво!

Мелания подбежала к зеркалу и взглянула на себя: крупные локоны волнами спадали с левой стороны, переливаясь под светом ламп; неброский макияж, слегка подведенные глаза; расклешенное платье из белого шифона в красный цветочек подчеркивало линии красивых колен; белые туфли на высоком каблучке делали ноги стройнее и длиннее.

— И правда, — шепнула она своему отражению. — Словно актриса.

В вестибюле на первом этаже уже толпились мужчины, занимая места поближе к пианино. Среди мужчин были и рабочие, и военные, и высокопоставленные в Советском Союзе лица. Они флиртовали с дамами, пили вино, курили. Когда Софья объявила о выступлении Мелании и прошла к пианино, шум в зале стих, все расселись: кто на диваны, кто за столы, а кто и вовсе на пол.

Черно-белые клавиши пианино дрогнули — и музыка заполнила все пространство комнаты. Сквозь завесу сигаретного дыма собравшиеся смогли увидеть утонченный силуэт Мелании. Она грациозно прошла к пианино, не спеша окинула взглядом многочисленных присутствующих в зале. Спустя мгновение ее воздушное сопрано, словно легкий вечерний бриз, пронеслось по комнате. Зрители замерли, уносясь вдаль на волнах ее голоса, который был одновременно нежным и сильным. Каждый звук, будто вырывающийся из глубины ее души, проникал в сердца, заставляя забыть о тревогах и заботах:

Как и сердца у нас, за песнею твоей[1]. Сияла ночь. Луной был полон сад. Сидели мы с тобой в гостиной без огней. Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,

Мелания, увлеченная своим выступлением, закрыла глаза, позволяя музыке увести ее в мир, где царила только гармония и красота. В этот момент она была не просто певицей — она становилась проводником эмоций, соединяющим всех собравшихся в зале.

Ее голос, тихий и робкий, словно опасаясь нарушить зыбкую тишину, постепенно набирал силу. Медленно, с грацией, обходя столики, Мелания исполняла романс, приближаясь к каждому посетителю. Сначала она подошла к одинокому моряку, поглощенному воспоминаниями о дальних плаваниях. Она обвила его шею руками, склонилась и слегка коснулась губами его уха. Прервав свои раздумья, моряк вздрогнул и попытался схватить Меланию за руку, но та уже была у соседнего столика. За ним сидел пожилой усталый мужчина. Он пристально смотрел на Меланию, попивая вино из своего стакана. Ее пение ласкало слух, заставляя мужчину отвлечься от повседневных забот.

Легко соскользнув с края столика, Мелания продолжила двигаться по залу. Она, подобно змее, скользила между столиками, пела и заглядывала в глаза каждому слушателю, словно рассказывала личную историю, созвучную их собственным переживаниям. В голосе звучали грусть, любовь и отчаяние.

Когда последние ноты стихли, Мелания выдохнула и посмотрела на публику, которая не могла сдержать бурные аплодисменты. В этом мгновении царила магия, и каждый чувствовал, что стал частью чего-то большего. И только некоторые труженицы борделя бросали в сторону Мелании завистливые взгляды. Она, улыбаясь, поклонилась зрителям.

Вдруг весь шум в зале для Мелании стих, все перестало существовать вокруг. Все, кроме чистых голубых глаз, смотревших на нее через весь зал. У входа, опершись о дверной косяк, стоял молодой человек, одетый в серую жилетку поверх светлой рубахи и серые брюки. Время замерло, и в это мгновение Мелания увидела не только его глаза, но и свет, который исходил от него, пробиваясь сквозь сигаретный дым. Все вокруг продолжало шуметь, но для нее этот мир стал второстепенным. Сердце забилось быстрее. Каждый кудрявый локон, спадающий на его лоб, привлекал внимание Мелании, а улыбка, играющая на его губах, вызывала в ней волну тепла.

Парень стал громко аплодировать, и только эти аплодисменты сейчас имели значение для Мелании.

Завершив выступление, она направилась в свою комнату. Мелания двигалась сквозь зал, пытаясь отыскать глазами того незнакомца, но его нигде не было. С чувством легкой досады Мелания вошла в свою комнату и скинула с ног неудобные туфли. Следом вбежала Лиза.

— Такое представление! — воскликнула она. — Ты восхитительно поешь!

Мелания, усевшись перед зеркалом, сказала:

— Пою, как умею. Пение дает мне сил, чтобы жить.

Мелания стала аккуратно стирать платком косметику с лица и спросила Лизу:

— У тебя сегодня есть кто-то на вечер из клиентов?

— Да, — ответила та, — я сегодня иду в гости к одному военному. Оплатил всю ночь.

Мне уже собираться пора.

Дверь в комнату отворилась, вошла Софья, прервав разговор подруг.

— Лизка, — распорядилась она, — собирайся и поспешай к Ивану Платоновичу.

Затем Софья обратилась к Мелании:

— Комната сегодня ночью вся в твоём распоряжении. Один твой поклонник захотел провести с тобой аж целую ночь.

Мелания смотрела на Софью через зеркало и молчала.

Лиза стала бегать по комнате в поисках своих вещей, чтобы как можно скорее освободить комнату от своего присутствия.

Софья ласково коснулась волос Мелании на затылке, тихо сказав:

— Твои концерты нас озолотят! Уже очередь из желающих провести с тобой время.

Софья направилась к выходу. Лиза, на бегу обув туфли, скрылась за дверью вслед за ней.

Мелания сидела у зеркала и расчесывала свои длинные волосы. За дверью послышалось какое-то шевеление, спустя секунду на пороге уже стоял молодой человек. Мелания повернулась и посмотрела на него. Она не могла поверить в то, что видит: в ее комнате стоял тот самый незнакомец, который привлек ее внимание во время концерта. Мелания подскочила со стула и сделала шаг к нему навстречу.

— Здравствуй, красавица! — с едва уловимой робостью в голосе сказал парень.

— Здравствуй! — ответила Мелания. — Я видела тебя в зале, ты мне аплодировал.

— Все аплодировали. Такое чудное пение и голос... — бормотал парень.

Он сделал пару шагов в сторону Мелании, и ей удалось лучше изучить черты его лица: мужская челюсть была подчеркнута скулами, а глаза, цвета глубокого океана, светились умом и уверенностью. Мелания заметила тонкие линии вокруг его рта, свидетельствующие о том, что он много смеется, но в то же время тень горечи читалась в его взгляде, как будто жизнь оставила в нем свой след, и не раз. Взгляд парня был изучающим, словно он пытался разглядеть в Мелании нечто глубинное, чем просто ее наружность. Она сделала шаг назад, но его присутствие заставило ее замереть на месте. Сердце забилось быстрее, а в голове закружились мысли о том, что скрыто за его доброй улыбкой и уверенной осанкой.

— Я Гриша, Григорий, — представился наконец незнакомец.

— Мелания, — прозвучало в ответ.

— Я много времени не заходил сюда, а тут услышал, что одна милая особа дает удивительные концерты в доме терпимости, — переминаясь с ноги на ногу, говорил Григорий. — Вот, решил зайти посмотреть.

Мелания, преодолев минутное оцепенение, села обратно на стул и предложила гостю тоже присесть. Он поставил стул и уселся напротив нее.

— Ты заплатил за ночь со мной? — поинтересовалась Мелания.

— Ну да, заплатил, — ответил Григорий. — По-другому-то к тебе не попасть.

Он слегка улыбнулся, и Мелания увидела едва заметную ямочку на его левой щеке. Но услышав слова об оплате, она слегка огорчилась и с легкой досадой в голосе сказала:

— Ну, раз заплатил — пользуйся...

Щеки Григория зарделись, он с растерянным выражением лица забормотал:

— Ну, я не за этим... Просто ты очень красивая, глаз не оторвать...

Мелания встала со стула и прошла к кровати. Она расстегнула на себе платье.

— Пстой! — крикнул Григорий и подбежал к ней. — Если ты не желаешь, то ничего не будет.

Мелания окинула Григория удивленным взглядом, спросив:

— А разве ты не этого хочешь?!

Григорий схватил Меланию за руку, тем самым не позволив ей скинуть с себя платье.

Он шепнул:

— Можем просто поболтать. Рядом. Вдвоем.

Мелания опустила взгляд в пол.

— Ты не похожа на других здешних девушек, — сказал Григорий и уселся на стул у кровати. — Ты по своей воле тут?

Мелания села рядом с ним на край кровати и произнесла:

— Нет, не по своей. Меня насильно продали Софье. А бежать мне некуда. Я нигде никому не нужна. Мать меня бросила в младенчестве, растила тетка с мужем. Вот ее муж-то и продал меня сюда.

Григорий внимательно слушал Меланию, стараясь не перебивать. Она продолжала:

— Я уже третий год здесь. Хотела было убежать, поймали, наказали за побег. Вот так и живу.

Григорий посмотрел на Меланию сочувствующим взглядом и сказал:

— Да, жизнь нынче странная. Каждый живет, как может...

— Расскажи о себе что-то, — попросила Мелания.

Григорий расправил плечи.

— Я учусь в технологическом институте. Отец мой лавочник, мать преподает литературу в школе. Живем на Вознесенском, не бедно, не богато. Всего хватает...

— Нравится учиться? — спросила Мелания.

— Да, очень! Люблю механику, — ответил Григорий. — Любопытно знать, как устроен тот или иной механизм. Как его починить, наладить.

Мелания вздохнула и произнесла:

— А я вот не училась. Только грамоте выучилась в школе и все.

Григорий поинтересовался:

— Ты, наверное, известной певицей мечтаешь стать?

Мелания громко усмехнулась:

— Скажешь тоже, певицей! В этом притоне мне никем не суждено стать!

В комнате ненадолго воцарилась тишина. Мелания ее нарушила своим вопросом:

— А чем торгует твой отец?

— Торгует, в основном, одеждой, обувью, иногда игрушками, — ответил Григорий.

Мелания пристально посмотрела в нежно-голубые глаза своего гостя. Почему-то у нее земля уходила из-под ног при виде его, во рту пересыхало. Ей хотелось взять его за руку, прижаться к плечу...

— Я рос не с родителями, а в деревне с бабушкой, — продолжил свой рассказ Григорий. — Родителям вечно было не до меня. Бабушка ночами сидела у моей кровати, когда я болел, видела меня в школу, еду готовила. Она пекла чудесные пирожки с повидлом.

От рассказа о пирожках с повидлом Мелании вдруг сильно захотелось кушать. Она перебила парня:

— Пекла? А сейчас не печет?

Григорий замолчал. Легкая тень грусти скользнула по его лицу:

— Нет, бабушка умерла.

— Мне очень жаль! — посочувствовала Мелания.

— Ты, я так думаю, не знакома со своими бабушками и дедушками? — уточнил Григорий.

Мелания отмахнулась:

— Нет, конечно!

До полуночи они проговорили о жизни и детстве. Мелания периодически смотрела в глаза Григория, пытаясь налюбоваться ими. Тот ласково улыбался ей, слушая ее длинные рассказы.

Дослушав очередную историю Мелании, Григорий зевнул и посмотрел на часы.

— Уже за полночь! — воскликнул он. — Тебе, наверное, спать пора?! Ты устала.

Но усталости Мелания не чувствовала. Она лишь хотела, чтобы эта ночь не заканчивалась никогда.

— Но ты же за всю ночь заплатил, — сказала Мелания. — Можешь остаться здесь. — Но... — замялся Григорий. — Я не хочу принуждать тебя к чему-либо.

Мелания посмотрела на него, попросив:

— Останься со мной. Не уходи. Просто проведем ночь, как добрые друзья.

Григорий подсел к ней ближе на краешек кровати и, коснувшись своими губами ее уха, шепнул:

— Я никуда не уйду. Если б я мог, я заплатил бы за все твое время, чтобы никто другой не смел касаться тебя...

Услышав этот горячий шепот, Мелания прижалась лицом к груди Григория. То ли его рубашка, то ли тело источали сладкий аромат карамели, смешанный с легкими нотками яблока. Мелания растворилась в этом запахе до утра...

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь наполовину зашторенные окна. Мелания и Григорий проспали всю ночь, крепко прижавшись друг к другу, но лишь как друзья.

Дверь в комнату открылась, вошла Лиза. Явно недовольным взглядом она окинула спящих, подошла к кровати и закричала:

— Вставайте! Утро уже! Быстренько!

Мелания открыла глаза и посмотрела на Лизу, потом на Григория.

— Ох, — забормотала она, — крепко уснули. Утро уже.

Мелания разбудила Григория. Тот впопыхах обулся и, протрившись, ушел.

После завтрака Мелания вместе с другими девушками отправилась вновь работать на улицу. Но к полудню ее ожидал приятный сюрприз. Григорий появился на Лиговке. Он подошел к Климу и что-то сказал, затем сунул ему в карман деньги. Мелания пристально наблюдала за происходящим. Григорий с широкой улыбкой на лице шагал навстречу Мелании. Клим наблюдал в стороне.

— Красавица! — воскликнул Григорий, подойдя к Мелании. — Я заплатил Климу, чтобы забрать тебя до вечера.

Мелания была этому крайне рада. Взявшись за руки, они оправались гулять по городу, утопающему в аромате весны. Солнце, пробиваясь сквозь облака, обнимало многолюдные улицы, где шумные толпы вели беседы о новом, о будущем, о жизни. На тротуарах, среди потока прохожих, выделялись модные дамы в длинных платьях и элегантные мужчины в пальто, переполненные амбициями и мечтаниями о светлом завтра.

Управляя толпой, трамваи с шумом проносились мимо, билеты в карманах горожан несли в себе память о вновь обретенных свободах. Каждый шаг, каждый взгляд напоминали о том, что Невский проспект стал не просто улицей, но настоящей артерией жизни, где переплетались судьбы, где вчерашние мечты встречались с завтрашними надеждами.

Льющийся солнечный свет царил между зданиями, отражаясь в витринах магазинов, полных ярких тканей и блестящих подарков. Руки влюбленных нежно переплетались, как струны лютни, создавая невидимую мелодию, которую слышали лишь они.

В воздухе витал запах свежесваренного кофе и сладкой выпечки. Уличные кафе распахнули свои двери, приглашая в страну непередаваемых вкусов. Глядя на ряды прохожих, влюбленные замечали, как разные судьбы переплетаются на этом широком проспекте — от моряков, только что вернувшихся из дальних стран, до художников, искренне воплощающих свои мечты на холсте.

Они остановились у одного из фонарей, обвитого зелеными листьями, и, глядя друг на друга, ощутили магию весеннего Ленинграда — города, наполненного любовью и тайной, где даже ветер шептал о вечных чувствах. В эту минуту время остановилось, и мир стал лишь их собственным, полным нежности и взглядов, скрывающих будущие мечты.

Григорий прижал Меланию к себе и посмотрел в ее зеленые глаза, излучавшие счастье и свет. Он не спеша потянулся своими губами к ее губам. Мелания почувствовала, как сердце забилося быстрее, когда их губы наконец встретились. Этот поцелуй был полон нежности и каких-то тонких ощущений, которые невозможно было описать словами. Она закрыла глаза, отпустив все заботы и тревоги, растворяясь в этом мгновении.

Григорий наклонился ближе, обнял ее за плечи — и мир вокруг них исчез. Он знал, что этот момент — волшебный. Каждое прикосновение, каждый взгляд были пропитаны обещанием чего-то большего. Когда они отстранились друг от друга, им показалось, что мир вокруг стал другим. Мелания открыла глаза и встретила его взгляд, полный нежности и тепла.

— Ты знаешь, что ты для меня значишь? — тихо спросил Григорий, и она почувствовала, как ушли все ее сомнения.

Его слова, простые, но искренние, заставили девичье сердце замереть от счастья.

— Я знаю, — ответила она, ощущая, как от этих слов внутри разливается радость. У них впереди было еще столько мгновений, полных неожиданных переживаний и откровений, и каждое из них было важно так же, как этот первый поцелуй.

Так гуляли они до самого заката.

Вечером, наполненная приятным волнением, Мелания вернулась в бордель. Она вошла в комнату и, скинув с ног туфли, упала на кровать. Все ее мысли были только о нем, о Григории, о сегодняшнем чудесном дне, полном любви и магии.

Она закрыла глаза, и воспоминания окутали ее, словно мягкий теплый плед. Яркие улыбки, взгляды, полные нежности, мелькали перед глазами. Его глубокий, обволакивающий голос звучал в ее голове. Мелания вспомнила тот момент, когда Григорий, протянув ей руку, увел в парк, заполненный первыми цветами и ароматами весны. Впервые за долгое время она почувствовала себя счастливой, как будто вновь обрела свое истинное «я».

Сердце замирало от волнения при одном лишь воспоминании о его прикосновениях. Касаясь ее, Григорий показывал, как заботится о ней, делая тем самым мир вокруг ярче и красивее. Мелания протянула руки к потолку, словно пытаясь поймать те волшебные мгновения, однако они ускользали, оставляя лишь легкий аромат весны.

Мелания встала с кровати и подошла к зеркалу. В отражении она увидела не только раскрасневшееся от счастья лицо, но и решимость в глазах. Этот день, полный ожиданий, был лишь началом новой жизни. Она знала, что после него ничего уже не будет прежним. Григорий стал не просто частью ее жизни, он наполнил ее душу светом и теплом.

— Отыскалась?! — прервала прекрасный девичий сон наяву вошедшая в комнату Лиза. Мелания посмотрела на нее и расплылась в улыбке. Она воскликнула:

— Лизка! Я такая счастливая!

Мелания подбежала к подруге и стала кружить ее в танце. Та отстранилась, спросив:

— Что случилось-то, дурочка?

Окрыленная счастьем, Мелания плюхнулась на кровать:

— Ах! — трепет наполнял каждое ее слово. — Я влюблена! Весь мир вокруг стал другим!

Лиза иронично спросила:

— Дело в этом что ли, кто ночевал у тебя ночью?

Мелания радостно воскликнула:

— Да, в нем! Григорий, Гриша!

Лиза с недовольным выражением лица выпалила:

— Понятно! Дура ты! Им всем одно нужно!

Она не хотела разделять с подругой ее радости, а принялась что-то усердно искать в ящиках стола.

С легкой досадой в голосе Мелания сказала:

— Он другой. Не такой, как все эти!

На следующий день все снова повторилось: Григорий заплатил Климу, забрал Меланию и вместе с ней отправился гулять вдоль Невы, кататься по кругу на трамвае по весенним улицам города. Но недовольный Клим все же приставил к Мелании свою охрану — молодого парня в картузе, который следовал за ней повсюду, но близко не подходил.

Григорий проводил с Меланией почти каждый день. Иногда оставался ночевать в борделе, охраняя драгоценный сон Мелании и любуясь, как она сладко посапывает во сне в его объятьях.

Очередным весенним вечером Мелания, приятно утомленная долгой прогулкой с любимым, вернулась в бордель. Она неспешно поднялась по лестнице по направлению к своей комнате. В коридоре она столкнулась лицом к лицу с Софьей. Та оживилась при виде Мелании.

— Что покраснелась-то вся? Где шлялась? — спросила Софья.

Мелания, не зная, что лучше ответить в данной ситуации, буркнула:

— Работала.

Софья преградила ей путь, сказав:

— Да знаю я, как ты работаешь! Целыми днями гуляешь с каким-то малолетним дурачком.

Мелания посмотрела на Софью и подумала:

«Конечно же, Клим ей все докладывает».

— Может, у меня любовь случилась... — робко пробормотала Мелания.

— Любовь??? — взбесилась Софья и истерично засмеялась. — Какая такая любовь? Ты что это удумала, милочка?! Ни о какой любви не может быть и речи! Ты здесь, чтобы работать и приносить мне доход!

Мелания замотала головой и, снова не зная, что сказать, вывалила Софье прямо в лицо:

— Я девушка и хочу любить!

Выражение лица Софьи стало каменным. Она схватила Меланию за руку:

— Ты шлюха, а не девушка! Помни об этом! Хочет этот мальчишка гулять с тобой — пусть гуляет! Но пусть платит! И не вздумай любиться с ним задаром!

Софья отпустила руку Мелании и направилась к лестнице. Из комнаты вышла Лиза и, увидев подругу, поспешила к ней.

— Что случилось? — поинтересовалась она.

— Все, как всегда! Ведьма проклятая! — негодовала Мелания.

— Пойдем, выпьем чаю, — предложила Лиза.

Девушки вместе спустились в столовую.

* * *

Дни и ночи, наполненные до краев любовью, пролетали для Мелании со скоростью света. Незаметно весну сменило лето. Усталые улицы, окутанные ароматом цветущих лип, наполнились легким смехом детей и оживленными разговорами прохожих. На Невском проспекте,

укрытые в тени широких деревьев, горожане собирались на площади, наслаждаясь уличными представлениями и артистами, которые, словно перешедшие из эпохи передвижников, приносили в серое обиходное время искры своего яркого творчества.

Мелания сидела у окна своей комнаты в ожидании Григория. Сегодня он обещал прийти с ночевкой. Солнце уже катилось к горизонту, до утра прощаясь с улицами и домами. Прохладный ветерок залетал в комнату сквозь приоткрытое окно, принося с собой свежесть Невы.

Дверь тихо скрипнула. В комнату вошел Григорий. Мелания подбежала к нему и прижалась к его горячей груди. Тот крепко обнял ее и прижал к себе. Под легкой летней рубашкой Мелания услышала стук сердца любимого. Григорий тихонько погладил ее волосы, ощущая, как в груди разгорается тепло. Для Мелании сейчас не было ничего важнее его объятий. Она углубила взгляд в бездонные глаза любимого, и в этот момент все вокруг будто исчезло, остались только они одни.

— Ты не представляешь, как я ждал этого момента, когда вновь увижу тебя, — тихо произнес Григорий. Его голос был полон нежности и заботы.

Мелания улыбнулась, ее сердце забилося чаще. Она знала, что их чувства стали лишь крепче за эти долгие минуты ожидания, что разлука только усилила их связь.

— Я тоже скучала, — прошептала она, прижавшись к нему еще ближе, словно боясь, что он исчезнет, если она ослабит хватку.

Словно в ответ на ее эмоции, Григорий потянулся к ее лицу и обнял его теплой ладонью. В этот момент все сомнения и страхи растворились, оставшись далеко за пределами комнаты. Они стояли так, наслаждаясь мгновением, и мир за окном терял всякий смысл. Летний вечер обещал быть тихим и волшебным, наполненным только чувствами и мечтами влюбленных.

Вдруг едва уловимая тень скользнула по лицу Григория, он слегка отстранился от Мелании и прошептал:

— Сегодня я не смогу остаться с тобой до рассвета. Подработать хочу в порту грузчиком. Мелания села на край кровати и положила руки на колени.

— Хорошо, я все понимаю, — произнесла она.

Григорий присел рядом и взял ее за руку. Он осторожно огляделся по сторонам и, заглянув в глаза Мелании, негромко сказал:

— Любимая, мы должны бежать отсюда, из Ленинграда.

Мелания вопросительно изогнула бровь.

— Куда бежать?! — отмахнулась она. — Нас поймают!

— Послушай меня, — продолжал Григорий, придвинувшись еще ближе к ней. — Я все придумал. У меня одноклассник работает в порту. Он поможет нам незамеченными сесть на грузовой корабль. В первом же порту сойдем на берег и начнем новую жизнь. Главное, что вдвоем и подальше от Софьи и ее людей.

Мелания слушала молча.

— У меня есть немного денег. Как-нибудь проживем. Там нас никто не сможет найти. Только действовать нужно решительно и быстро, чтобы никто не успел тебя спохватиться. Бежать нужно завтра, на рассвете.

Мелания увидела свет надежды в глазах любимого.

«А вдруг все получится, и я стану свободна?!» — промелькнула в ее голове мысль.

Григорий смотрел в ее глаза и ждал, что она ответит на его предложение. Мелания встала с кровати и подошла к зеркалу. Взглянув на свое отражение, она сказала:

— План вполне хорош. Но меня не выпустят отсюда на рассвете. У дверей дежурят люди Клим.

Григорий подошел к Мелании и обнял ее за плечи.

— Я и это предусмотрел, — шепнул он ей на ухо и улыбнулся.

Григорий указал жестом на сумку, лежащую на полу у двери.

— В сумке мои вещи, — пояснил он. — Наденешь их, а волосы спрячешь под картуз. Тебя примут за парня. А парня никто останавливать у двери не будет.

Мелания воскликнула:

— Превосходно! Как только ты это все придумал?!

Она прижалась к Григорию и не хотела его отпускать от себя.

— Мне уже пора уходить, — сказал он и поцеловал Меланию в щечку.

Он направился к двери. У выхода обернулся и пояснил Мелании еще раз:

— Завтра на рассвете, в четыре часа, буду ждать тебя у спуска со львами. До того момента больше, думаю, не свидимся. Зато потом будем вместе навсегда. Ты только очень хорошо замаскируйся, чтобы не было осечки.

— Хорошо, до встречи, — попрощалась Мелания.

Она села у зеркала. Ее мысли унеслись куда-то далеко, туда, где они с Григорием уже навсегда вместе, имеют свой дом, детей, где больше нет ни Софьи, ни Клим, ни этих нескончаемых унижений...

За окнами комнаты лениво забрезжил рассвет. Мелания не спала. Она всю ночь не могла сомкнуть глаз в предвкушении свободы. Наступил последний день ее мучений в этих постылых стенах.

«Наконец-то все это закончится, и я буду свободна», — эта мысль бесконечно крутилась в голове Мелании.

Свернувшись под одеялом, она ненадолго задремала, скованная утренней негой. Когда она проснулась, рассвет был уже далеко позади. Было восемь часов утра. На соседней кровати заворочалась Лиза.

— Доброе утро, — тихо произнесла Мелания.

Лиза выглянула из-под одеяла и, не сказав ни слова, перевернулась на другой бок.

Мелания чувствовала, что подруга в последнее время как-то охладела к ней. Они стали реже откровенничать. Лиза стала меньше времени проводить в комнате с подругой, постоянно убегала куда-то, придумывая различные причины.

Мелания встала и подошла к Лизе, присела на край ее кровати. Она положила руку подруге на плечо, сказав:

— Лизка, ты сердишься на меня за что-то? Я это чувствую.

Лиза повернула голову и посмотрела на подругу.

— Все хорошо, — буркнула она.

Мелания потрясла подругу за плечо, радостно воскликнув:

— Давай, вставай! Солнце уже высоко!

Мелания стала кружиться по комнате, будто в ритме вальса, и делиться с подругой своим счастьем:

— Я такая счастливая! Не поверишь, но сегодня мой последний день здесь! И я освобожусь от Софьи!

Лиза пристальным взглядом посмотрела на Меланию, ее глаза вопросительно расширились. Она спросила:

— Ты о чем говоришь, дуреха?!

Мелания прервала свой счастливый вальс и плюхнулась на кровать рядом с Лизой.

— Мы с Гришей сегодня на рассвете уплывем из города, — с радостью в голосе рассказывала Мелания. — Он будет ждать меня у спуска со львами, оттуда мы отправимся в порт и уплывем навсегда. Его приятель нам поможет бежать.

— Дура ты! — воскликнула Лиза. — Софья тебя всюду отыскать сможет!

— А пусть попробует! — улыбнулась Мелания. — Когда она спохватится, мы будем уже очень далеко! На другом конце света!

Лиза вздохнула. У нее не было слов. Она опустилась обратно на подушку и с головой укрылась одеялом.

Мелания толкнула ее, спросив:

— Ты даже не порадуешься за меня?

Лиза молчала. Не дождавшись ее ответа, Мелания накинула на плечи темно-синий пеньюар и поспешно вышла из комнаты.

Последний день в ожидании свободы тянулся для Мелании мучительно долго. Но все же ночь пришла в город. Мелания смотрела в окно, за которым небо постепенно темнело, а первые звезды, как искорки счастья, только начинали мерцать. Она чувствовала, как в ее душе накапливается смесь тревоги и ожидания. Каждый звук за окном пробуждал в ней острое чувство, будто время решило жадно схватить ее за горло, не позволяя вырваться. Мелания знала, что за заветной дверью ее ждало что-то небывалое: мир, свободный от оков, обещания новой жизни.

Закутавшись в одеяло, Мелания лежала неподвижно, время от времени поглядывая на висевшие на стене часы. Циферблат часов слабо освещал тусклый лунный свет, пробивающийся сквозь неплотно зашторенное окно. Снизу доносились звуки граммофона, женский смех и мужская пьяная брань. За дверью изредка слышались чьи-то шаги. Лиза тихонько посапывала на соседней кровати.

Мелания не спала уже вторую ночь подряд и очень боялась того, что проспит назначенный час. Сон постепенно стал окутывать ее своим теплым покрывалом, но она не сдавалась и продолжала лежать с открытыми глазами...

Наконец, на часах пробил заветный час — три часа ночи. Мелания вскочила с постели и стала второпях собираться. Она посмотрела на Лизу: та крепко спала. За окнами уже начинал зарождаться рассвет. Мелания надела широкие мужские штаны, светлую рубаху и поверх нее серый жилет. Вещи были ей слегка великоваты. Но это было даже на руку: широкая одежда скрывала под собой женские формы. На дне сумки, что принес Григорий, Мелания нашла светло-коричневый картуз и, собрав длинные волосы в пучок, натянула его на голову. Она надвинула картуз на глаза, чтобы ее сложнее было узнать. Мелания посмотрела на себя в зеркало и подумала:

«Если внимательно не приглядываться, то прямо парень и есть».

Она осторожно приоткрыла дверь и выглянула в коридор: там не было ни души. Мелания быстро проследовала к лестнице. Внизу было шумно, значит, еще не все клиенты разошлись. Она спустилась по ступенькам и выглянула из-за угла: в смежной комнате было несколько человек. Путь к выходу был свободен, и Мелания, переведя дух и набравшись храбрости, направилась к двери. Но не успела она сделать и трех шагов, как из соседней комнаты вышел бандит Клима. Он двигался ей навстречу. По неровной походке Мелания поняла, что мужчина был пьян. Она на миг застыла на месте, надвинула картуз поглубже и продолжила свой путь к выходу, притворившись, что тоже пьяна. Мужчина поравнялся с ней и бросил на нее косой взгляд. Сердце Мелании бешено забилось, ладони взмокли. Она опустила голову и быстро прошмыгнула к выходу. Мужчина зашагал дальше.

Прохладный утренний ветер ударил Мелании в лицо потоком свободы. Она взглянула на небо и подумала:

«Все получилось».

Она быстро зашагала вдоль дороги. Небо было пасмурным. Казалось, вот-вот начнется дождь. Мелания шла, стараясь не думать о погоде, но холодный ветер, проникающий сквозь одежду, заставлял ее плечи сжиматься. Каждый шаг отзывался глухим эхом, словно сама дорога знала о ее тревогах.

Вдруг Мелания остановилась и оглянулась на размытую даль, где небо встречалось с горизонтом. Призрачные тени облаков создавали непонятные формы, и ей показалось, что

они нашептывали какие-то тайны. Нужно было идти дальше. Мелания сделала глубокий вдох и снова зашагала вперед, уверенно и с решимостью. Непогода не могла остановить ее, и она знала, что за этими серыми облаками рано или поздно появится солнце. С каждым шагом Мелания все больше чувствовала себя свободной. Она будто сбрасывала с плеч груз, который долго ее тяготил.

Ветер сорвал картуз с ее головы, и локоны медью рассыпались по плечам. Она хотела догнать улетевший картуз. Но к чему он ей теперь?

Вскоре впереди показались грациозные силуэты львов — всего несколько шагов отделяли Меланию от встречи с любимым. Подойдя ближе, она никого не увидела в назначенном месте. Мелания огляделась по сторонам: вокруг не было ни души. Мурашки пробежались вдоль позвоночника, сердце стало биться быстрее. Она чувствовала, что что-то было не так.

Мелания сбежала по ступенькам к реке и увидела Григория. Он сидел на корточках, прижавшись спиной к камню.

— Гриша! — крикнула она и подбежала к нему.

Тот не шевелился. Мелания схватила Григория за плечо. Он поднял голову и помутневшими глазами посмотрел на возлюбленную. Тонкая бордовая струйка крови вытекала из уголка его губ. Он попытался что-то сказать, но тут же потерял равновесие и свалился набок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.